

Т. С. Злотникова

Культурные смыслы петровской и пушкинской России: досоветский и советский дискурсы¹

В статье на основе использования компаративного, культурно-антропологического, художественно-эстетического методов обращено внимание на то, насколько петровская Россия была источником влияния и точкой духовного, художественно-творческого притяжения. Предложен ряд алгоритмов, значимых для понимания бинарности (а в итоге дихотомичности) не столько фигур императора Петра и поэта А. С. Пушкина, сколько миров, созданных и воплощенных ими. Первый алгоритм – культурно-антропологическая версия, выразительная в художественном плане и существенная в культурно-историческом. Второй алгоритм – социально-политическая, социокультурная антитеза. Третий алгоритм связан с обозначением петровского и пушкинского начал русской культуры, применительно к личностным характеристикам двух персон, создавших и впитавших интенции Города. С опорой на труды Ю. Тынянова, Ю. Лотмана, М. Кагана подчеркнуто понимание города императора Петра как города поэта Пушкина. Свобода (не анархическая, а осознанная и содержательно значимая) и регламентация – это соотношение *двух персон* и *двух миров*, Пушкина и Петра, соотношение не только города как конструкта императора Петра и поэта Пушкина, но шире – петровской и пушкинской России.

Ключевые слова: петровская Россия, пушкинская Россия, Петербург, культурно-антропологический метод, художественно-эстетический метод, бинарная оппозиция

Tatyana S. Zlotnikova

Cultural meanings of Peter's and Pushkin's Russia: pre-Soviet and Soviet discourses

In the article, based on the use of comparative, cultural-anthropological, artistic-aesthetic methods, attention is drawn to the extent to which Peter's Russia was a source of influence and a point of spiritual, artistic and creative attraction. Some algorithms are proposed that are significant for understanding the binary (and eventually dichotomy) not so much of the figures of the emperor Peter and the poet A. S. Pushkin, but of the worlds created and embodied by them. The first algorithm is a cultural-anthropological version, expressive in artistic terms and significant in cultural-historical terms. The second algorithm is a socio-political, socio-cultural antithesis. The third algorithm is associated with the designation of the Peter and Pushkin principles of Russian culture in relation to the personal characteristics of two persons who created and absorbed the intentions of the City. Based on the works of Yu. Tymanov, Y. Lotman, M. Kagan emphasized the understanding of the city of Emperor Peter as the city of the poet Pushkin. Freedom and regulation are the ratio of two persons and two worlds, Pushkin and Peter, the ratio of images not only of the city as a construct of the emperor Peter and the poet Pushkin, but more broadly – of Peter's and Pushkin's Russia.

Keywords: Peter's Russia, Pushkin's Russia, St. Petersburg, cultural-anthropological method, artistic-aesthetic method, binary opposition

DOI 10.30725/2619-0303-2022-3-39-44

¹ Выполнена по гранту Российского научного фонда №20-68-46013.

Современное культурологическое знание, включающее в себя историко-культурные, нравственно-психологические и художественно-эстетические представления о людях прошедших эпох, в значительной степени опирается на компаративный подход. Последний значим не только в онтологическом аспекте, что всегда, пусть имплицитно, осознавалось исследователя-

ми, компаративный подход значим в аксиологическом и, подчеркнем особо, индивидуально-личностном планах. Люди разных эпох и разных сфер деятельности встраиваются в общую цепь взаимодействий, отменяя друг друга и позволяя увидеть скрытые влияния, неотчетливые, на первый взгляд, ассоциации и значимые, как говорил поэт, «скрещенья судеб».

Петр I, Петр Алексеевич Романов, первый русский император, он же полководец, преобразователь и строитель – каждое слово в данном случае имеет не только социально-политическое или профессиональное наполнение, но и метафорическое: человек-знак, человек-символ, человек-матрица. До сих пор нет единого мнения у профессионалов и жителей России относительно значимости тех или иных его деяний или черт характера. Если речь о деяниях – основание нового города или военные победы, влияние на формирование научной сферы или воспитание нового типа человека – это даже не предмет дискуссий, но варианты понимания. Все эти ипостаси Петра способны наполнить, да и наполнили, несколько столетий жизни России и многих других стран.

Александр Пушкин, Александр Сергеевич Пушкин – также человек-знак (не политики, как Петр, но искусства), человек-символ (не политико-экономических преобразований, но нового отношения к творчеству и новых открытий в художественной сфере), человек-матрица (не в плане совокупности сфер политической деятельности, но в плане нескольких литературных жанров и открытий в эстетических позициях). Деяния Пушкина, новатора в слове и в понимании человеческой психологии (может ли аристократ быть ростовщиком? может ли женщина первой заговорить с мужчиной о любви? может ли пьеса быть небольшой по размеру, как одно действие других пьес – или вовсе не содержать деления на действия или акты, а иметь только двадцать с лишним картин?) – это объем открытий и влияний, способных наполнить целое столетие искусства, а то и не одно.

Компаративность в понимании Петра и Александра – это путь к установлению знаковости и значимости личности, воздействующей как на сферу своей непосредственной деятельности, так и на жизнь страны, где им довелось родиться, в целом.

Мы считаем важным обратить внимание на то, насколько петровская Россия была источником влияния и точкой духовного, художественно-творческого притяжения, заложенным в конкретных акциях и решениях для пушкинской России. А также обратить внимание на то, насколько пушкинская Россия была прямой наследницей и в то же время альтернативой по отношению к петровской России.

В культурно-историческом горизонте предстает Россия как новая для этого пространства политическая, экономическая, социально-нравственная система (Россия-матрица), и этот горизонт обозначен императором, и Россия – как художественный образ, включивший людей и природу с ее метелями и листопадами, небесами и водами, причем образ этот столь же противоречивый и многообразный, как и сама создавшая его страна.

Петровская Россия – империя, сформированная по римской матрице: твердая и жесткая вертикаль, авторитаризм, обязанность жертвовать личным во имя государственного. Не только в «Медном всаднике», но в лирике («Гений», лицейские мотивы) Пушкин становится в оппозицию к петровской империи как источнику подавления личности и как системе в широком смысле.

Нет необходимости специально обсуждать, что Россия Петра и Россия Пушкина – это одна и та же Россия. Как один и тот же, петровский и пушкинский, город Санкт-Петербург: первые каменные дома, первые дворцы и первые набережные, неприветливая, кажущаяся подчас неподвижной Нева, бегущие под порывами ветра люди. Город-гравюра, люди, призванные оказывать свое право и свою возможность существовать вне мягкой и разнообразной природной реальности.

И – город столичного статуса. Столица европейская, удаленная на окраину империи. По сути дела, странное в силу этой своей удаленности подтверждение реплики И. Бродского о необходимости для родившегося в империи человека жить «в провинции у моря» – ибо провинция должна быть удалена от центра, а Петербург именно таков.

Таким образом, Петр-император и Пушкин-писатель – это особый дискурс личностей, повлиявших на судьбу России, при этом одна ипостась рассматриваемой проблемы. Петровская Россия и пушкинская Россия, наследующие друг другу, это другой дискурс, уже не столько личностный, сколько социокультурный, другая ипостась.

Методология исследования характеризуется следующими особенностями.

Помимо компаративного метода, позволяющего подчеркнуть интегративный характер представлений о России в разные эпохи ее существования и в разных парадигмах (исторической, эстетической, нравственно-психологической, социально-

экономической), мы обращаемся к методологическим позициям ведущих отечественных представителей культурологической мысли в ее опоре на другие научные дисциплины. Так, мы учитываем литературоведческую традицию понимания Петра-императора как персонажа (Ю. Тынянов, Ю. Лотман) и культурно-историческую традицию понимания места Санкт-Петербурга в отечественной культуре (М. Каган). Философско-антропологические представления о человеке и среде формирования его культурной памяти, о его творческой, политической, обыденной жизни, психологических аспектах бытия в городской среде, о причастности к истории, о знаковом характере среды, в которой присутствует человек (в том числе это касается и интересующего нас Петербурга) – работы классиков XX в. и современных исследователей [1–13] являются принципиально значимым основанием исследования, но не изучаются и тем более не реферируются специально, а лишь учитываются контекстуально.

Алгоритмы исследования

Первый алгоритм, который представляется важным для рассмотрения и сопоставления фигур **Пушкина и Петра I**: культурно-антропологическая версия. Она выразительна в художественном плане и существенна в культурно-историческом.

Налицо редко комментируемая, но весьма существенная физическая (материальная, визуальная) **антитеза**: рост Петра (не просто высокий, но длинный) – и рост Пушкина (маленький). При этом несомненная гротескность персон, воспринимавшаяся как таковая современниками, недругами и друзьями, в том числе близкими. Взрывчатость характера и поведения Петра, чрезмерная бойкость Пушкина, прозванного в Лицее «паяцем». Культурно-антропологическая проблематика бытия, поведения, реакций императора составили основу его мифологизации, эффектно и убедительно представленной в живописи (картина И. Репина с ее контрастным выражением динамичности Петра и статичности Алексея; кинофильмы, где роль Петра отдавалась актерам яркого, как говорили современники, «бешеного» темперамента – будь то Н. Симонов в фильме 1937 г. или А. Петренко в фильме 1976 г.). Такой же мифологизации подверглась и фигура нервного, обиженого, по-детски порывистого и трагически непонятого Пушкина, о чем мы специально писали [14, с. 318–323].

Второй алгоритм, который не менее важен для понимания проблематики интеграции культурных эпох и личных интенций: социально-политическая, социокультурная антитеза. Пушкин и Петр I и в историко-культурной традиции, и в обыденном сознании жителей России представлены антитезой: у императора – власть как насилие, построение логики и системы, ограничение; у поэта – власть как тяжкая обязанность («тяжела... шапка Мономаха») и как объект понимания-критики-«избегания».

Мы полагаем, что исследовать петровско-пушкинский дискурс русской культуры и обозначить в этом дискурсе психоэмоциональное и художественно-эстетическое значение Петербурга – это значит подчеркнуть присутствие в едином пространстве (империи, города, эпох) двух отдельных людей, причем именно «людей», а не только и не просто императора и поэта, при этом связанных только одной линией взаимодействия (от прошлого – Петра, к настоящему – Пушкину).

Связующая нить проходит через город. Пушкин, Петр и город – это важнейшая научная и антропологическая проблема. И **город** этот рассматривается исследователями, на которых сошлемся далее, как «принадлежащий» обоим, созданный обоими и обжитой обоими.

Отсюда – третий алгоритм.

Третий алгоритм связан с обозначением петровского и пушкинского начал русской культуры применительно к личностным характеристикам двух персон, создавших и впитавших интенции Города.

Петр, по семиотической и культурно-исторической версиям Ю. М. Лотмана, – это твердость, стремление к системности, определенности и определяемости, структурная организованность; такова идея и жизненная логика Петра [15].

Отсюда локальный и при этом весьма значимый знак-образ: характерным примером введения пьедестала в текст памятника, как отмечал исследователь, является скала, на которую Фальконе поместил своего Петра Великого в Петербурге [15, с. 66]. Лотман отмечает органичность образа железной стопы, поправшей мятеж. Намечает за плечами Александра I фигуру фальконетовского памятника Петру. Однако появление тени Наполеона, вероятно, подразумевало «предвещание будущего торжества стихии...» [15, с. 222].

Семиотичность важнейших, с нашей точки зрения, образных представлений об императоре Петре связана для Лотмана с тем, что визуализирован «треугольник, представленный бунтом стихий, статуей и человеком» [15, с. 224]. Ученый подчеркивает: камень, скала, утес в петербургском мифе наделяются не привычными признаками «неподвижности, устойчивости, способности противостоять напору ветров и воды, а противоестественным признаком перемещаемости...» [15, с. 323].

И отметим особо удивительный, парадоксальный, тонкий ход мысли о модели, которая, по Ю. М. Лотману, ведет к единству «культуры и ее модели», принимая «характер идеального состояния, цели сознательных усилий». С визуальной ясностью и масштабностью связана, по мысли Лотмана, модель «русской государственности, возникающая в законодательстве Петра I» [15, с. 420].

Персона, атмосфера, среда, государство – это авторские представления семиотика Ю. Лотмана о Петре – императоре, человеке, преобразователе.

Пушкин, в понимании Ю. Лотмана, отмечен непередаваемым вдохновением творчества и его возможностью «в пределах какого-либо уже заданного языка и за чертою непредсказуемого взрыва» [15, с. 29]. Таким образом, преобразование (если у императора – политико-социальной сферы и воплощающего ее особенности города, а у поэта – художественно-образного мира) – это тенденция, приближающая Петра и Пушкина друг к другу. Творчество, искусство – это сфера «непредсказуемости» [15, с. 108]. Согласимся с Ю. Лотманом в том, что «пушкинская смысловая парадигма образуется не словами, а образами – моделями, имеющими синкретическое словесно-зрительное бытие, противоречивая природа которого подразумевает возможность не просто разных, а дополнительных (в смысле Н. Бора, то есть одинаково адекватно интерпретирующих и одновременно взаимоисключающих) прочтений» [15, с. 221].

Интуитивность и рациональность – это важные грани конструирования мира и в политике, и в искусстве. Недаром ранее, до Ю. Лотмана, Ю. Тынянов утверждал особенность семантики Пушкина, которая (семантика) двупланна, «свободна» «от одного предметного значения и поэтому противоречивое осмысление его произведений

происходит так интенсивно» [16, с. 133]. Важная, хотя, казалось бы, частная деталь подчеркивалась исследователем: он обращал внимание на то, что у Пушкина была особая конструкция: «не роман, а роман в стихах» и «свободный роман» [16, с. 155].

Город императора Петра как город поэта Пушкина

Рассмотрим пушкинские интенции, обнаруживаемые в культурном опыте Петербурга, и петровское влияние на культурный опыт великого Города. Здесь вновь обратимся к ведущим отечественным исследователям, на которых уже ссылались выше.

Замеченные нами интенции могут иметь разные корни и мотивы, мы полагаем важным и убедительно подчеркнутым в отечественных культурных практиках и теоретических идеях те научные и социально-психологические аспекты, которые были обозначены несколькими отечественными исследователями, на которых уже делались ссылки выше: М. Каганом, Ю. Лотманом, Ю. Тыняновым. Для каждого из ученых пушкинское начало и влияние имели и литературный (художественно-образный), и культурно-исторический (а также культурно-философский) смысл.

Отметим бинарность представлений ученых о Петербурге как совершенно особом культурном феномене. Так, по мысли Ю. Лотмана, «борьба между Петербургом – художественным текстом и Петербургом – метаязыком наполняет всю семиотическую историю города. Сложное переплетение „своего“ и „чужого“ в семиотике Петербурга наложило отпечаток на самооценку всей культуры этого периода» [15, с. 333].

По версии М. Кагана, конкретна и отчетлива связь пушкинского начала с петровским в бытии Города: «творчество нашего великого поэта – первый большой итог процесса воплощения замысла Петра. <...> Пушкинский **Петербург** – мечта Петра, ставшая завершенной реальностью» [17, с. 120]. Согласимся с М. Каганом в мысли об особом качестве и значении «пушкинского Петербурга», в котором он видел особый тип русской культуры как динамической системы, говоря о зарождении, расцвете и постепенном вытеснении «шедшим ему на смену новым состоянием культуры» [17, с. 119].

Своего рода урок жителям, патриотам, исследователям Петербурга заключается в следующем. Для М. Кагана отчетливо существовал мифологически детерминированный, а потому масштабный и романтически

возвышенный город, который Пушкин наследовал от Петра. Отсюда парадоксальность противопоставления, согласно которой, существовал пушкинский Петербург, это был «и носитель высших достижений русской культуры, и грозный оплот самодержавия» [17, с. 122]. Но в то же время, как тонко отмечал ученый, это город немилосердный и даже опасный: «центром противостояния свободе, подавления свободы тоже был Петербург, и оттого восприятие столичного града оказывалось у современников *амбивалентным*» [17, с. 129].

И вновь обращаясь к исследователям-патриотам и единомышленникам патриотов города, отметим: мотив петровской России как особой и важной проблемы художественного мира Пушкина присутствует не только у М. Кагана, но и Ю. Лотмана. Нам важно при этом подчеркнуть, что у обоих этих исследователей присутствуют в петровско-пушкинском Петербурге психологические, социально-нравственные, эстетические аспекты. Город выступает у названных исследователей как пространство жизни и самоутверждения.

Ученые видят и отмечают в этом городе сложный культурно-антропологический синтез. Это дворцы, дома, набережные, водные и небесные пространства, которые предстают у Пушкина и идентифицируются учеными как места обитания и места разлук, места, где прячутся тайны, и места, где открываются люди/образы.

Наконец, отметим важный вопрос, ответ на который позволяют предположить наши предшественники. Парадигма петровского создания – империи и города, унаследованного для обыденной жизни и для творческой активности, дана в разных своих потенциально возможных проявлениях. Это вопрос городе как символе империи и пространстве обыденной жизни. Несовместимость этих разных проявлений друг с другом, по суждению Ю. Лотмана, придает образам глубину незаконченности, возможность отвечать не только на вопросы современников Пушкина, но и на будущие вопросы потомков. Широта научного подхода и его парадоксальность опиралась у Лотмана на восприятие важнейших для Пушкина оппозиций: «живое-мертвое», «человеческое-бесчеловечное», «подвижное-неподвижное» в самых различных сочетаниях [15, с. 224].

Итак, исследования Петербурга императора Петра и поэта Пушкина позволяют

понять, что в представлениях ученых существовали **свобода** (не анархическая, а осознанная и содержательно значимая) и **регламентация**, неотъемлемое соотношение *двух персон и двух миров*.

Отсюда видим, что город, скорее задуменный, чем построенный (при этом духовно, интеллектуально, эстетически осуществленной), но частично все же созданный императором Петром, и город, унаследованный от императоров и поэтов Пушкиным, – это, прежде всего образ в версиях Ю. Лотмана (семиотический принцип понимания, знак и код города) и М. Кагана (культурно-антропологическая среда, живая, подвижная, странная и естественная). Этот образ дает возможность не только сопоставить, но и принять в качестве особого мира подвижное и неподвижное, природное и рукотворное.

Резюме. Мы обнаруживаем, хотя, разумеется, не впервые, но с определенными акцентами – именно впервые **соотношение не только города как конструкта императора Петра и поэта Пушкина, но шире – петровской и пушкинской России**. Это соотношение между имперским и посттоталитарным модусами, где начало советской эпохи впитало в себя ожидание, в котором до этого жили современники империи, и страх, который характеризовал переход от империи с ее пусть жестокой, но стабильностью, к новым, неизвестным формам бытия, вырвавшимся из едва отрефлексированных к началу XX в. «симптомам конца». Это была попытка движения от петровской России к России пушкинской.

В отечественной научной традиции советского (а затем, по умолчанию, постсоветского) времени видим пушкинское начало как свободу (в ее экзистенциальном смысле), «покой и волю» (воплощение индивидуального и неприкосновенного бытия личности в широком смысле и творца в более конкретном). Пушкинское начало – антиимперское, это предвестие несоветского дискурса советских культурных практик. Если формально принято считать Пушкина своего рода источником советской культуры как культуры расцветающего в постреволюционном пространстве творчества, то в действительности Пушкин в определенной мере предостерегает в отношении имперски детерминированного, системно организованного и антропологически выхолощенного бытия.

Проективность Петра (система, структура, матрицы, акции) и незапрограммированность Пушкина (свобода и воля) – это бинарная оппозиция государственности и индивидуальности, где пушкинская Россия соответствует личной (экзистенциальной) парадигме, а петровская Россия соответствует авторитарной (государственной) парадигме. И это уже не только интегративный, не только синергийный, но и дихотомический модус.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое лит. обозрение, 2014. 323 с.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Москва: Наука, 1973. 234 с.
3. Бурлина Е. Я., Иливицкая Л., Кузовенкова Ю. и др. Хронотопия города. Самара: Кн. издательство, 2016. 240 с.
4. Вебер М. Город // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. С. 309–446.
5. Глазычев В. Л. Город на все времена // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (дата обращения: 27.06.2022).
6. Линч К. Образ города. Москва: Стройиздат, 1982. 328 с.
7. Смирнов С. А. Город и Человек: очерки по городской антропологии. Москва: Ленанд, 2020. 272 с.
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. 617 с.
9. Устюгова Е. Н. Антропологический поворот в современной урбанистике // Terra Aestheticae. 2018. № 1. С. 199–215.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 8–27.
11. Шлегель К. Возвращение европейских городов // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 288–304.
12. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 301 с.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с.
14. Злотникова Т. С. А. С. Пушкин – пограничная фигура русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 318–323.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
16. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Москва: Наука, 1968. 424 с.
17. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. Санкт-Петербург: Славия, 1996. 407 с.

References

1. Assman A. The Long Shadow of the Past: memorial culture and historical politics. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2014. 323 (in Russ.).
2. Blok M. The Apology of history, or the Craft of a historian. Moscow: Nauka, 1973. 234 (in Russ.).
3. Burlina E. Ya., Ilivitskaya L., Kuzovenkova Yu., et al. Chronotopia of the city. Samara: Book's publ. house, 2016. 240 (in Russ.).
4. Weber M. Gorod. Weber M. Selected works. Moscow: Progress, 1990. 309–446 (in Russ.).
5. Glazychev V. L. City for all times. Site in memory of V. L. Glazychev. URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (accessed: June. 27.2022) (in Russ.).
6. Lynch K. The image of the city. Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 (in Russ.).
7. Smirnov S. A. City and Man: essays on urban anthropology. Moscow: Lenand, 2020. 272 (in Russ.).
8. Toporov V. N. The Petersburg text of Russian literature. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2003. 617 (in Russ.).
9. Ustyugova E. N. Anthropological turn in modern urbanism. Terra Aestheticae. 2018. 1, 199–215 (in Russ.).
10. Halbwaks M. Collective and historical memory. Inviolable reserve. 2005. 2–3, 8–27 (in Russ.).
11. Schlegel K. Return of European cities. Domestic notes. 2012. 3 (48), 288–304 (in Russ.).
12. Steinbach H. E., Elensky V. I. Psychology of living space. Saint-Petersburg: Speech, 2004. 301 (in Russ.).
13. Eco U. Missing structure. Introduction to semiology. Saint-Petersburg: Symposium, 2006. 544 (in Russ.).
14. Zlotnikova T. S. A. S. Pushkin – the borderline figure of Russian culture. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2016. 6, 318–323 (in Russ.).
15. Lotman Yu. M. Semiosphere. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2001. 704 (in Russ.).
16. Tynyanov Yu. N. Pushkin and his contemporaries. Moscow: Nauka, 1968. 424 (in Russ.).
17. Kagan M. S. Grad Petrov in the history of Russian culture. Saint-Petersburg: Slavia, 1996. 407 (in Russ.).